

**З**НАКОМСТВО мое с искусством Академического театра Литовской ССР началось с «Иркутской истории». Снова, в который раз (кажется, нет такого города, где бы пьеса эта не шла!) затыкал со сцены рассказ о девушке Вальке и о том, что случилось в далеком сибирском городе. Может, и не стоило бы возвращаться еще к одной постановке арбузовской пьесы, если бы она не раскрылась здесь своей неожиданной стороной.

**Э**ТО СВОЕОБРАЗИЕ спектакля было не в декорациях, хотя принцип изобразительного решения, когда условные детали оформления возникают на фоне убедительно воссозданной широкой панорамы стройки, близок по характеру пьесе. И не в сердечной, светлой атмосфере, поддерживанной двумя ведущими, которыми режиссер передал значительную часть текста Хора. Своеобразие было в расстановке сил, в том, что пьеса, прочитанная режиссером Ю. Рудникасом, приобрела нового героя.

...Всю первую половину спектакля Виктор — артист Г. Кураускас как будто только присматривается, примеривается. Он лишний той активной и озорной силы, которую мы привыкли ждать от этого арбузовского героя. Виктор задумчив, угловат, небрежен, кажется, что он вновь и вновь вспоминает ту семейную драму, которая омрачила его юность. И лишь когда действительность обернулась перед ним своей истинной стороной, обнаружив за случайным, наиспешим, за внешней грубостью подлинное содержание смысла человеческих поступков, чувств, людских, чистых и прекрасных, — Виктор Кураускас наконец прозрел. Прозрение это на первых порах не принесло ему радости. Небритый, худой и хмурый Виктор — Кураускас с упорной настойчивостью преследует свое ушедшее счастье — Вальку. И все время напряженно думает, словно закован перессмысливая и жизни, и себя самого.

...Когда же, оставшись один на мостике в финале спектакля, Виктор — Кураускас смотрит вслед счастливой Вальке, когда, погнавшись воле режиссера, он, упрямо засунув руки в карманы, уверенно и целеустремленно идет по условной сценической дорожке, идет вдалеке — это другой, новый человек, главный человек (так получилось в спектакле) этой истории.

Ни мягкий и сердечный, ни не очень значительный Сергей (артист Т. Вайсета), ни Валька, излишне жесткая, напряженная, как-то уж очень нарочито «разбитная» (И. Гарсиманчиките), не достигают уровня с Виктором. Зато рядом с ним, помогая ему, поддерживая и направляя его, — и в этом большая заслуга спектакля — коллектив «шагающих». Рядом спокойный деловой кадровый рабочий «бят» Сердикс (В. Мурашка), очень смелый Лаленко (совсем еще молодой актер А. Ронсас), привлекательно достоверный Родикс (П. Трейнис) — все они вместе с Сергеем и Виктором образуют коллектив. Коллектив людей, вместе создающих жизнь.

Если «Иркутская история» — спектакль в основе своей достоверный и психологический, хотя несколько приглушенный по тону, — свидетельствовал о желании коллектива вести разговор о сокровенных движениях души человеческой, то «Всеми забытый» — пример работы в иной манере. Спектакль, где господствует условность. Постановка от молодых режиссеров В. Чибрасом точно, слаженно, уверенно, местами он даже приобретает искренность тона и глубины. Очень хороша, скажем, сцена в ночном кафе, где в полумраке ведут свою трагическую беседу те, что были когда-то людьми. Трагедия звучит исповедь Доктора перед дочерью. Волнует возвращение Доктора к себе в дом. Искренни завершающие обе части спектакля сцены с матерью слепого ребенка.

Но как часто этой правдой

чувств режиссер и исполнитель поступают во имя той утирированной и подчеркнутой условности, которая стала черно-белым обликом спектакля «Черно-белым»? Да, потому что из здесь, в литовском театре, как и в Москве, спектакль оформлен в черно-белой гамме. В этом черно-белом мире существуют и действуют (рядом с живыми людьми) персонажи условные, условно чувствующие и условно реагирующие на исторические события пьесы Н. Хикмета. Такого изысканная Женщина — М. Растейкайте, Девушка — Г. Ясинайте, Ассистент — А. Вружас. Они наиболее точно «вписываются» в спектакль, но они же и лишают его самого

Словом, впечатление от первых четырех спектаклей было неровное: с позитивными находками и удачами большими и принципиальными здесь сосуществуют творческие компромиссы самые откровенные, на той же сцене, где смело утверждается «истина страстей и правдоподобие чувствований» (Стакиславский), вдруг рождается штампы, ложная стилизация, наигрыш...

И трудно было понять, какова же действительно мера сил этого коллектива, чего можно ждать от него, чего нужно требовать, что развивать в творчестве и с чем бороться.

Но вот — «Гамлет»!

...Когда худенький юноша с бледным лицом, застенчивым, легким, стрелителным и угловатым быстро перескочил сцену, словно спасаясь от страшной истины, которую только сию минуту прочитал в глазах Королевы и Короля, когда он потом вдруг снова вынырнул из-под арии с края сцены, внимание привлекли лишь видная юность и доходящая до болезненности

хрупкость этого Принца Датского. Но едва полилась речь его, такая же стремительная, легкая и естественная, возникло очень точное ощущение удивительной органичности сценической жизни Гамлета, нераздельной слитности актера с шекспировским характером.

Или одной специальной мизансценой, ни одной нарочитой позы, хотя Гамлет — Кураускас смело и как-то беззаботно употребляет весь арсенал выразительных средств романтического театра. Вот он увидел Призрака, и тонкими белыми руками словно отталкивает от себя слова тени, вот упал на колени, потянулся вперед, вслушиваясь в голос, вот откинулся назад, отстраняясь. Движения Гамлета, прикиньтесь и темным каменным ступеням, для луча света, наискось пересекающая сцену и вырывающая из мрака лицо Призрака да фигуру юноши, — все это театр романтики. Но нет в нем романтики нарочитой или искусственной.

Тема молодости, молодого порыва, борьбы за правду проходит через весь спектакль, по своему, умно и уверенно решенный Ю. Рудникасом, чья трактовка подержана и актерами — Г. Ясинайте (Гертрауда), И. Кивалляскас (Король), Т. Вайсета (Горацио). Много удачного есть у исполнительницы роли Офелии (М. Растейкайте), Лаурта (А. Хадарявичюс). Полония (С. Петрайтис). Но главное — есть Гамлет и есть режиссер, который помог этому Гамлету быть.

**Д.** А. ЛИТОВСКИЙ театр «выдал» себя с головой своим «Гамлетом». Вот, оказывается, каковы его возможности! Вот к какому уровню в творчестве, в искусстве искусства и искусства режиссуры должен стремиться театр. Вот что мы имеем право от него требовать — и прежде всего в спектаклях о наших днях. Обидно, что коллектив расстраивает собственную задачу — и ту, которая у него есть, и ту, которая должна быть, — на разговор не по самому главному поводу, то занимающийся сложными, а порой и мелкими изысканиями в области психологии забытого человека из старых газет, то воспитывая тощую художника или девушку, мучающую душевного приставника. Крупные бытовые актеры старшего поколения, молодежь, тяготеющая к театру психологическому, но умеющая ставить правду чувства на службу большой мысли, сильная и умелая режиссура — этому ли театру не говорить во всю мощь своего голоса, не решать в искусстве те задачи, которые ждут его, ведущий коллектив республики!

Что мешает ему? Трудности? Да, они есть. И труппа укомплектована не совсем верно, ее, очевидно, нужно пополнить яркими молодыми индивидуальностями. И помещение неудобное, с плохой звукоизоляцией, с тесной сценой, что, несомненно, затрудняет смелый эксперимент, большой поиск.

От Литовского академического театра надо требовать. Но ему надо и помогать — с любовью, заботой. За помощью и поддержкой он отлатит истории своим искусством, делом своей жизни.

**П**ЯТЬ ДНЕЙ неделей... Разные спектакли, разные впечатления. Но все свидетельствует — в древнем и поновому радостном городе Вильнюс работают интересные художники.

**Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ,**  
спец. корр.

«Советской культуры».

**ВИЛЬНЮС.**

# пять встреч

главного — истины человеческих переживаний.

Именно в отсутствии «истинных страстей» следует упрекнуть и спектакль «Первая драма». Но утрачены они совсем по иной причине. Здесь — особый разговор.

«Сильва-студент», первая пьеса К. Сая, которая идет в литовском театре уже несколько лет, — какое это милое, веселое зрелище! Верность характеров, хоть и неглубоких, но удачно подмеченных, точность сюжетного построения (пожалуй, слабее лишь последняя картина), общая атмосфера вольного оптимизма помогли режиссеру К. Кимантайте и актерам создать легкое комедийное представление, пусть незамысловатое, но привлекательное и даже поучительное.

«Первая драма» — первый опыт того же писателя в драматическом жанре. Что это за спектакль? По своему устремлению — добрый, хороший. Он объясняет, что пьянствовать плохо, это мешает творчеству и огорчает близких, что надо верить людям, они всегда помогут в беде, надо меньше думать о себе и больше о других. Кто станет протестовать хотя бы против одного из этих утверждений? Вероятно, каждое из них, по-своему преломленное в сознании писателя, может стать предметом для разговора со сценой. Но в том-то и беда, что общезвестные истины банально решаются писателем, в след за ним — театром.

Постановочный коллектив во главе с режиссером Р. Юкнявичюсом не многое смог сделать, ни не удалось им углубить пьесу, ни очистить ее от ложной многозначности и фальшивых «страстей», от навязанной любования «трагедией» таланта.

Во многом достоверен Кураускас — художник Юстас. Актер пытается (и во многом даже успешно) преодолеть нарочитость, схематизм характера в пьесе. Очень корректно, органично и привлекательно пожилая учительница Марите, которую умно и сильно играет Л. Купстайте. Сцена школьного собрания, где она говорит речь в защиту Челюзека, а Юстас кажется в припадке отчаяния, решена режиссером и сыграна (и этим двум исполнителям можно добавить директора школы — артиста А. Радзивишюса) сердечно, привлекательно. Но когда в одной из последующих картин маленькая школьница, дочь разгудной Мильвины, бежит к бабине с током высокого напряжения и латентически ханжески за рублинники — до пазухи актерских переживаний тут! Особенно, когда ее, живую и невредимую, уводит потом милый старичок сторож (его с юмором, искренне играет В. Гамалюнас), любезно объясняя, что она не погибла потому, что у нее «туфельки на резине».

Слабая пьеса, слабый спектакль. Что же, на этом основании зачеркивать содружество коллектива со своими писателями? Или в коем случае.

Академический театр Литовской ССР много и упорно работает над произведениями современной национальной драматургии. На его счету — ряд пьес, здесь получивших свое сценическое рождение, здесь обретших право гражданства. Это деятельность плодотворная, благородная. С другой стороны — неверными, и может быть, даже и мешающими дальнейшему развитию национальной драматургии были бы попытки заминировать очевидные слабости спектаклей из-за того, что в основе их — своя пьеса...